

© 1993 г. ХЕГЕР К.

ОТ СТЕММЫ К АКТАНТНОЙ МОДЕЛИ

0. Введение.

Эта статья основывается на сделанном мной в предыдущей публикации в этом журнале замечании об "аналогиях", которые актантная модель обнаруживает со стеммами Л. Теньера¹, восходящими к его книге 1959 г. [1, § 3.2.2, с. 17], и представляет собой попытку показать, каким именно образом актантная модель связана с идеями Теньера. Статья представляет собой в значительной степени содержание доклада под тем же названием, представленного на секции "Зависимость и валентность в романских языках" Конгресса немецких романистов в 1989 г. (Аахен), а также в сокращенном виде излагает мою статью "Размышления о противопоставлении актанта и сирконстанта", публикуемую в сборнике в честь Р. Энглера.

В начале пути, который привел меня от стемм Теньера к актантной модели, были опубликованные мной в 1966 г. рассуждения о валентности, залоге и падеже, начинавшиеся следующими словами: «Предпринятая мной попытка дать более точную, чем прежде, трактовку названных в заглавии явлений обязана своим появлением работе над "Основами структурного синтаксиса" Люсьена Теньера. Речь идет при этом не только о заимствовании у этого ученого новых подходов, как, например, взятого из химии понятия валентности, а также роли, которую играет при ее объяснении каузативность. В еще большей степени это относится к тем случаям, когда отправной точкой размышления послужило критическое осмысление тех или иных проблем, затронутых Теньером. К ним относятся в первую очередь такие вопросы: следует ли понимать валентность как (конкретно-языковую) формальную категорию или же как понятийную (= не связанную с конкретным языком, номинативную) категорию; где проходит важная для ее понимания граница между актантом и сирконстантом? В этих и подобных случаях предлагаемые рассуждения представляют собой своего рода диалог с опубликованным посмертно основным трудом Люсьена Теньера» [2, с. 139]. Под этими словами я готов подписаться и сегодня, внося лишь уточняющие изменения терминов "формальная" на "конкретно-языковая формальная" и "понятийная" на "не связанная с конкретным языком, номинативная".

Новые формулировки опубликованных в моей статье 1966 г. рассуждений оказались значимыми для всех последующих остановок на пути, который привел к актантной модели как решающему средству представления перехода от лексических к пропозициональным рангам (подробную характеристику иерархии сигнемных рангов см. [1, с. 12—22]); в этом можно убедиться, обратившись к целому ряду публикаций [3, с. 2; 4, с. 2; 5, с. 11; 6]. Несмотря на изменение формулировок и появившиеся в течение последних 25 лет уточнения, как и прежде, я могу подтвердить, что

— с одной стороны, оба вопроса, а именно о конкретно-языковом или не связанном с конкретным языком характере валентности и других категорий, а также о границе между актантом и сирконстантом заставляют меня по-прежнему, как и четверть века назад, принципиально отойти от стемм Теньера;

— с другой стороны, я и сейчас готов с благодарностью признать, что очень многие компоненты актантной модели возникли под непосредственным или опосредственным влиянием основополагающего труда Л. Теньера, — который, в

своей очереди, создавался в условиях плодотворных контактов с пражской и французской школами европейского структурализма, — труда, тридцать лет назад решающим образом повлиявшего на меня.

1. Зависимость или независимость от конкретного языка.

Вопрос о том, что репрезентируют стеммы Теньера, конкретно-языковые или не зависящие от конкретного языка категории, вовсе не привнесен извне и не игнорирует отправную точку, внутреннюю логику концепции Теньера на основе поверхностной критики. Напротив, этот вопрос обусловлен как той задачей, которую ставил перед собой Теньер, — внести вклад в "будущее здание структурного синтаксиса" (а вклад этот гораздо больше, нежели "скромный кирпичик") [7, § 278, 15], — так и использованием стемм для описания различных языков, не только в "Основах структурного синтаксиса", но и в завершающем разделе опубликованной за 25 лет до того "Краткой русской грамматики" [8] — "Динамическом синтаксисе". Если стеммы предназначены для отражения фактов отдельных языков, то результат их применения должен служить для того, чтобы выступать в качестве *tertium comparationis* при сравнении языков; однако в этом случае встает вопрос не только о правомерности использования стемм в этом качестве, но и о распространении соответствующей методики на те области, где она еще не применялась.

Такой недостаток, как мне казалось и продолжает казаться, обнаруживается там, где стеммы и результат их применения слишком ясно зависят от одного или нескольких конкретных языков. То, что и сам Теньер вряд ли стал бы возражать против такого наблюдения, со всей ясностью показывает заключительная глава "Основ структурного синтаксиса". Тем самым моя попытка определить отображаемое и подлежащее отображению посредством стемм как исключительно нозматические, т.е. как не зависящие от конкретного языка категории, соответствовала не только задаче включения стемм в иерархию сигнифицируемых рангов, которую я строил, но и отвечала, как мне кажется, устремлениям самого Теньера.

Момент, в котором особенно ясно проявляется не только необоснованность использования стемм в качестве *tertium comparationis* при сравнении языков, но и невозможность такую методику обосновать, — это, на мой взгляд, их соотносимость с так называемыми классами слов. В этом вопросе верный путь также был указан уже самим Теньером, сократившим традиционный набор из десяти или более частей речи до четырех — существительное (*substantif*), прилагательное (*adjectif*), глагол (*verbe*) и наречие (*adverbe*) [9, § 32—33]. Поскольку в качестве объяснений он при этом пользуется примерами главным образом из языков, для которых традиционно предполагается существование по крайней мере этих четырех частей речи, противоречий или сомнений не возникало. И тем не менее вряд ли можно оспорить то, что и эти четыре части речи в конце концов являются реликтом греко-римской грамматической традиции. Сам Теньер неоднократно отмечал, что для многих языков не удастся провести разумной границы между глаголом и прилагательным; даже применительно к немецкому языку можно поставить вопрос, не лучше ли заменить деление на прилагательные и наречия делением на атрибутивные и предикативные прилагательные, исключив тем самым наречие как часть речи вообще.

Поэтому мне казалось вполне разумным при независимом от конкретного языка определении, представляемым стеммами или разработанной на их основе актантной моделью, отказаться от какого бы то ни было соотносительства с частями речи (при любой их трактовке) и заменить его соотносительностью с противопоставленными друг другу идентифицируемыми носителями свойств (= актантами) и специфицируемыми свойствами (= реляторами) (ср. [1, с. 16—17]; а также ниже, § 2.1). Отказ от выделения на нозматической основе классов слов отнюдь не

означает отказа от использования присущих конкретному языку классов слов; более того, нельзя отказываться от возможности поставить вопрос, можно ли с пользой перенести наблюдаемые в одном конкретном языке и четко определенные классы слов на описание другого языка; это, как мне кажется, я достаточно ясно показал (ср. [6], особ. § 3.5.1).

2. Сходства.

Собранные в этом разделе примеры, демонстрирующие сходство между стеммами Теньера и моими актантными моделями, были выбраны по двум критериям: с одной стороны, они должны были быть достаточно репрезентативными, с другой стороны — как можно полнее представлять основные положения концепции Л. Теньера.

2.1. Связь.

Основополагающее сходство между стеммой и актантной моделью является данное Теньером [11, § 1.5] определение простейшего предложения как состоящего не из двух, а из трех элементов: деление, предложенное на основе французского примера *Alfred parle*, на актант "Alfred", глагольный узел "parle" и связь, благодаря которой два предыдущих элемента и становятся предложением, было введено в номинативную дефиницию актантной модели в форме ее трех основных компонентов — актанта (A), релятора (R) и предикатора (P) (ср. [1, § 3.2.2]; а также выше § 1, дальнейшие подробности в [7, § 2.2]). В этой форме отождествление двух триад может представиться достаточно абстрактным, однако оно станет очевидным, как только на актантную модель будут спроецированы соответствующие конкретно-языковые данные; так, модели, использованные в [6, § 2.6.1] для иллюстрации, каким образом отображаются семемы немецких личных глагольных форм, делают очевидными параллели, существующие

— между актантами и/или сирконстантами Теньера и актантами (A) актантной модели,

— между семантическим наполнением глагольных узлов Теньера и содержащимся (содержащимися) в семеме глагольной формы релятором (реляторами) актантной модели (R) и

— между связью у Теньера, определяющей подчиняющее положение глагольного узла, и содержащимся (содержащимися) в семеме глагольной формы предикатором (предикаторами) (P) актантной модели и/или выведенными из него (них) функтором (функторами), который (которые) к тому же определяет (определяют) актантные функции соответствующих актантов.

К прочим видам связи, таким, как отношения между глагольным узлом и наречием, а также всех неглагольных узлов мы вернемся в связи с трансляцией (см. ниже, § 2.4).

2.2. Каузативность.

Не случайно в процитированных в начале статьи словах уже 25 лет назад особое место отводилось тем импульсам, которые я получил от рассуждений Теньера о каузативной диатезе [9, § 107—110]. Хотя сейчас я пользуюсь исключительно улучшенной благодаря уточнениям К. Мудерсбаха трактовкой [5, § 2.6.4] и не скрываю слабых сторон своих предыдущих высказываний по проблематике каузативности и финальности, однако нельзя не отметить, что с самого начала именно Теньер побудил меня продолжить работу над намеченным им анализом. Важное место при этом принадлежало высказанному впервые в [2, § 1.2.2] соображению, согласно которому если введение актанта, участвующего в неспецифицированной причине процесса V (Vorgang), настолько важно, как это продемонстрировал в указанном месте Л. Теньер, то имело бы смысл поставить и вопрос

о полезности введения актанта, участвующего в неспецифицированном результате процесса V. Тем самым плодотворность влияния идей Теньера сказалась на всем, что было получено в результате поиска ответов на эти вопросы, — от противопоставления каузальных и финальных функций и параллельно этому инструментальной и целевой (*Telos-Funktion*) до связанной с первой функцией возможности определить деление "переходных" глаголов на каузативные и давно известные *verba sentiendi sive possessionis* и применить это деление при широком сравнении языков [10], а также на других результатах.

2.3. Юнкция.

Тот факт, что введенная Теньером [9, § 134—150] в стемму юнкция (*jonction*) вошла в актантную модель (ср. [4, § 4.2.9; 5, § 2.3]), настолько очевиден из терминологии и особенностей нотации, что не нуждается в особом рассмотрении. Разумеется, привлечение всех шестнадцати юнкторов открывает некоторые дополнительные возможности, выходящие за рамки того, что содержится в указанных главах "Основ структурного синтаксиса"; однако и здесь речь идет лишь о дальнейшем продвижении по пути, намеченному Л. Теньером.

2.4. Трансляция.

Что касается понятия трансляции, о которой уже говорилось в заключение § 2.1, то на нем следует остановиться значительно подробнее, чем на юнкции. Для Л. Теньера трансляция первой степени изменяет принадлежащие определенным классам слов элементы таким образом, что они могут входить в стемму в иной функции, чем та, что свойственна их собственному классу; трансляция второй степени выполняет ту же задачу для вхождения самого глагольного узла в иерархически более высокую стемму. Поскольку эта проблематика связана со спецификой классов слов, то на основании сказанного в § 1 можно было бы спросить, не является ли аналог трансляции Теньера лишним в актантной модели.

Однако достаточно ясно, что на этот вопрос последует отрицательный ответ, поскольку хотя способ, каким решаются некоторые проблемы на основе понятия трансляции, определяется особенностями классов слов, однако сами проблемы, которые рассматривает в рамках трансляции Теньер, никак с ними не связаны. Разумеется, такие термины, как "инфинитив" (*infinitif* [9, § 180]), "причастие" (*participe* [9, № 198]) или "герундий" (*gérondif* [9, § 206]), могут вызвать впечатление, будто и здесь речь идет о давних трудностях, обусловленных гетерогенностью оснований выделения частей речи. Однако уже при виде термина "субординация" [9, § 164 и 239] становится ясно, что речь идет о гораздо более существенных инновациях и что обсуждаемые Теньером в рамках этих понятий проблемы должны быть каким-либо способом включены в актантную модель.

На первый взгляд сложный вопрос — "каким именно образом можно воспользоваться образцом Теньера для иных целей?" — не так уж и сложен: поскольку Теньер не случайно создал своего рода иерархию более простой трансляции первой степени и более сложной трансляции второй степени, нужно было только пройти намеченный им путь в обратном направлении, чтобы получить необходимый результат. В начале моего пути должны были, следовательно, находиться выделенные Теньером три вида трансляции второй степени:

— Во-первых, трансляция второй степени, переводящая глагольный узел в функцию существительного и создающая актантное придаточное предложение, которое в свою очередь соответствует подлежащему и дополнительному придаточному предложениям традиционной грамматики [9, § 241.6—12]. Ее эквивалентом в актантной модели является леворекурсивное включение предикатора или содержащего его функтора (ср. [5, § 2.2.1 и 2.2.3]).

— Во-вторых, трансляция второй ступени, переводящая глагольный узел в функцию прилагательного и создающая адъективное придаточное предложение, которое в свою очередь соответствует относительному придаточному предложению традиционной грамматики [11, § 245—246]. Ее эквивалентом в актантной модели является праворекурсивное включение предикатора или содержащего его функтора (ср. [5, §§ 2.2.1 и 2.4]).

— В-третьих, трансляция второй ступени, переводящая глагольный узел в функцию обстоятельства и создающая сирконстантное придаточное предложение, в свою очередь соответствующее обстоятельству придаточному традиционной грамматики [9, § 254]. Поскольку сирконстантное придаточное предложение относится к актантному придаточному так же, как актант к сирконстанту [9, § 241.13], то в соответствии с изложенным ниже (§ 3) нет никаких оснований отражать ее в актантной модели иначе, нежели через предусмотренное для трансляции второй ступени, создающей актантное придаточное предложение, леворекурсивное включение предикатора или содержащего его функтора.

Возможности, открываемые приемами леворекурсивного и праворекурсивного включений предикатора или содержащего его функтора, обеспечивают для актантной модели те же средства репрезентации, какие создает для соответствующих явлений трансляция второй ступени Теньера. Однако благодаря тому обстоятельству, что трансляция первой ступени и еще в большей степени до сих пор не включенные в рассмотрение (ср. выше, § 2.1) связи (*connexions*) между глагольным узлом и обстоятельством, а также между существительным и прилагательным в любой момент могут быть переведены в более сложную нотацию актантного придаточного, адъективного придаточного и сирконстантного придаточного предложения, они являются одновременно эквивалентными средствами репрезентации для явлений, которые Теньер описывал с помощью этих стемм. Неизменно связанная с таким переводом в более сложную нотацию потеря экономичности, разумеется, была бы недостатком для модели, стремящейся к возможно более точному отражению структуры конкретного языка; однако для номатической актантной модели эта потеря экономичности не только не представляет собой серьезного недостатка, но и, напротив, благодаря связанной с ней большей эксплицитностью оказывается даже достоинством, которое трудно переоценить.

Как должны выглядеть эти эксплицитные репрезентации в конкретных случаях, детально объяснить здесь не представляется возможным; проанализированные в [6, §§ 3.2—3.4] примеры соответствуют большинству случаев, которые Теньер рассматривает как трансляции первой ступени.

3. Актант и сирконстант.

Второй вопрос в процитированном в начале статьи отрывке из публикации 1966 г., касавшийся границы между актантом и сирконстантом, поднимался со времени публикации "Основ структурного синтаксиса" столь часто и получал столь противоречивую трактовку, что обращение к нему можно было бы и не сопровождать новой мотивировкой, если бы тройка актантов у Теньера не обладала примечательным грамматико-историческим нюансом. Легко заметить, что эта тройка не совсем свободна от воспоминаний о знакомом из латинской грамматики различении субъекта, прямого и косвенного дополнений. Но если уж ориентироваться на латинский язык, то почему бы не ввести четвертый актант, который соответствовал бы — скажем, как "обозначение деятеля в пассиве", — латинскому аблативу? Скорее всего только потому, что латинская грамматика, о влиянии которой так много говорилось, в действительности является по своему происхождению вовсе не латинской, а греческой, которая была навязана латинскому языку, а в греческом языке нет аблатива.

В то время как в прежних работах (см. особенно [3, с. 129—132; 8, с. 88—92]) я ограничивался скорее попутно возникшим наблюдением, что противопоставление актанта и сирконстанта является "разграничением, обусловленным в каждом случае данными конкретного языка" [4, с. 129], и, следовательно, нерелевантно для поэтической актантной модели, в настоящее время я полагаю, что в дополнение к этому можно доказать, что это обусловленное данными конкретного языка противопоставление носит скорее характер градуального перехода, чем бинарной оппозиции. Исходным пунктом рассуждения, согласно которому сирконстант разнится от актанта тем, что "способ его обозначения в конкретном языке в отличие от актанта не зависит от валентности глагольной вокабулы-семемы" [6, с. 88], является гипотеза, согласно которой актантная функция того или иного актанта, определяемая в соответствии с отношением, которое существует в рамках актантной модели между этим актантом и релятором, т.е. ближайшим соотносимым элементом [4, с. 111—114], обнаруживается только тогда, когда соответствующий актант обладает статусом актанта в смысле Теньера. Она

— во-первых, обусловлена открытыми для присоединения позициями (т.е. "валентностью") вокабулы-семемы (в нормальном случае — глагольной), содержащей необходимый для соотнесения релятор, и

— во-вторых, отмечена определенным падежом — безразлично, каким способом: аффиксально, аллопозиционально, тактематически; при этом падеж должен находиться в комбинаторной зависимости от днаезы (понимаемой как обозначение определенной перспективы, ср. [11, с. 113—115]), безразлично, выражена ли она граммемой или лексемой.

3.1. Примеры.

В принципе следовало бы с учетом этих двух условий для каждого конкретного языка и для каждой — в нормальном случае глагольной — вокабулы-семемы выявить связанные с ней актантные функции и их возможные обозначения; разумеется, обычно приходится обходиться отдельными примерами, что относится и к следующим ниже немецким предложениям, которых, однако, достаточно, чтобы наглядно продемонстрировать верность общих положений. Исключительно для большей понятности, а никак не по причине какой бы то ни было внутренней связи для некоторых актантных функций в этих примерах помимо введенных ранее [4, с. 113] обозначений используются также названия более или менее соответствующих им "глубинных падежей".

3.1.1. Менее всего проблематичными кажутся на первый взгляд случаи предикативной функции ($\cong$ объективу), каузальной функции ($\cong$ агентиву) и финальной функции ($\cong$ бенефактиву), представленные в предложении типа

(1) *Der Hans liefert dem Karl den Wein* "Ганс снабжает Карла вином". Независимо от возможных залоговых конструкций и обусловленных ими падежных вариантов — *Der Hans liefert an den Karl den Wein*; *Der Hans beliefert den Karl mit dem Wein*; *Von dem Hans wird dem Karl der Wein geliefert*; *Von dem Hans wird an den Karl der Wein geliefert*; *Von dem Hans bekommt der Karl den Wein geliefert*; *Von dem Hans wird der Karl mit dem Wein beliefert* — во всех случаях в отношении содержащегося в вокабуле-семеме *liefern* релятора "обладание" *Hans* выступает в каузальной функции, *Karl* — в финальной, а *Wein* — в предикативной функции. Поскольку по крайней мере в изначальной формулировке *Der Hans liefert dem Karl den Wein* отмечается совпадение этих актантных функций с тремя выделенными Теньером актантами, этот пример представляется подтверждением предусмотренной первоначальной гипотезой определмости статуса актанта (в смысле, предложенном Теньером).

3.1.2. Уже давно известно, что в случае локальной функции ($\cong$ локативу) и темпоральной функции ($\cong$ темпоралису) различение статуса актанта и сирконстанта оказывается довольно проблематичным. С одной стороны, существуют случаи типа

(2) *In dem Dorf X wohnen 500 Menschen* "В деревне X живут 500 человек". В этом предложении можно говорить о существовании локального актанта в смысле Теньера, поскольку, во-первых, по отношению к вокабуле-семеме следует предположить возможность присоединения актанта с локальной функцией (*Dorf X*) и, во-вторых, применительно к этому предложению возможно изменение залоговых отношений и, следовательно, падежных отношений: *Das Dorf X bewohnen 500 Menschen* "Деревню X населяют 500 человек" и *Das Dorf X wird von 500 Menschen bewohnt* "Деревня X населена пятью сотнями человек". С другой стороны, предложения типа

(3) *Es regnet* "Идет дождь" не только содержат в глагольной вокабуле-семеме *regnen* инкорпорированный актант (в смысле актантной модели) в предикативной функции, но и имплицитно еще один актант с локальной функцией, поскольку как предложение, противопоставленное, например, предложению *Es regnet am Bodensee* "На Боденском озере идет дождь", автоматически приобретает значение *Es regnet hier* "Здесь идет дождь" (ср. [12, с. 374—376; 6, с. 91—92]), этот локальный актант, по крайней мере согласно критерию облигаторности (впрочем, чрезвычайно сомнительному), должен быть признан актантом в смысле Теньера.

Представляется, что от таких примеров совершенно недвусмысленно отличаются те случаи, в которых сирконстантный статус актантов актантной модели с локальной и временной функциями кажется неоспоримым, ср., например, следующее расширение примера (1):

(4) *Der Hans hat dem Karl den Wein am 5. Mai nach Köln geliefert* "Ганс поставил Карлу вино 5 мая в Кёльн". В данном случае вокабула-семема *liefern* не содержит специфических возможностей подключения актантов в локальной функции (в данном случае — локально-целевой, направительной — *Köln*) или во временной функции (в данном случае 5. Mai), отсутствует и возможность залоговых вариаций, которые могли бы изменить падежные характеристики этих актантов. Как бы ни были верны эти наблюдения, они, однако, не могут опровергнуть тот факт, что, хотя специфическая вокабула-семема *liefern* и не проявляет соответствующих свойств, однако в принципе любая глагольная вокабула-семема не только немецкого языка несет в себе возможность локализации соответствующего состояния или процесса в пространстве и времени и в связи с этим обладает свойством присоединения актантов с локальной и временной функцией. Этому компоненту, который и создает возможность того, что временная спецификация, в особенности если она носит дейктический характер, может обозначаться с помощью граммематически выраженных глагольных времен, в нотации актантной модели соответствует временной функтор [5, с. 42—46].

3.1.3. Третья группа примеров содержит по одному актанту в инструментальной функции:

(5) *Der Hans hat den Karl erdolcht* "Ганс зарезал Карла".

(6) *Der Hans hat den Karl mit einem Messer erdolcht* "Ганс зарезал Карла ножом".

(7) *Der Hans hat den Karl mit einem Dolch getötet* "Ганс убил Карла кинжалом".

(8) *Der Karl hat den Hans durch das Öffnen der Tür geweckt* "Карл разбудил Ганса, открыв дверь".

(9) *Der Hans ist wegen des Öffnens der Tür durch den Karl aufgewacht* "Ганс проснулся из-за того, что Карл открыл дверь".

Наиболее ясно выражены отношения в предложении (5), которое здесь следует трактовать как синонимичное предложению (7) в смысле инструментальной (а не в смысле также возможной модальной) спецификации совершения убийства: глагольная вокабула-семема *erdolchen* не только открывает наряду с возможностью подключения предикативного (*Karl*) и каузативного (*Hans*) актантов также возможность присоединения актанта с инструментальной функцией (*Dolch*), но и содержит этот актант в себе как уже занятую ("инкорпорированную") актантную позицию. В отличие от этого инструментальный актант (*Messer*) в предложении (6)

определен лишь в отношении своей классификаторной спецификации (ср. [5, с. 85]) и тем самым в смысле селективного ограничения: *Messer* "нож" выступает здесь в качестве вида по отношению к родовому понятию *Dolch* "кинжал, холодное оружие".

В отличие от предложений (5) и (6) в предложениях с (7) по (9) не может быть речи об открытой возможности присоединения к соответствующим вокабулам-семемам (*löten*, *wecken*, *aufwachen*) актанта в инструментальной функции. Однако пример (7) отличается от примеров (8) и (9) и занимает явно промежуточное положение между примерами (5) и (6), с одной стороны, и (8) и (9), с другой, благодаря тому, что в нем инструментальная функция актанта *Dolch* определяется относительно содержащегося в вокабуле-семеме *löten* релятора "убить".

Наконец, предложения (8) и (9) содержат в форме субстантивированного инфинитива *öffnen* скрытое подчинение (ср. выше, § 2.4.), т.е. факультативные добавки к актантной модели, представляющей соответствующую вокабулу-семему (*wecken* или *aufwachen*), хотя этим дополнениям в целом — аналогично элементу *Dolch* в примере (7) — можно было бы приписать инструментальную функцию, однако актантные функции действительно обозначенных актантов определяются в пределах этих дополнительных элементов в соотношении с содержащимся в вокабуле-семеме *öffnen* релятором "открыть" (предикативная функция для *Tür* и каузальная функция для *Karl*), а не в соотношении с содержащимся в вокабулах-семемах *wecken* и *aufwachen* релятором "будить". Между собой предложения (8) и (9) различаются тем, что в примере (8) факультативное дополнение подчинено компоненту актантной модели, представляющей вокабулу-семему *wecken*, — поэтому *Karl* в нем оказывается в каузальной функции, относительно содержащейся как в вокабуле-семеме *öffnen* релятора "открывать", так и в вокабуле-семеме *wecken* релятора "будить", а то время как в примере (9) факультативное дополнение параллельно актантной модели, представляющей вокабулу-семему *aufwachen* (и *Karl* проявляется здесь в каузальной функции только относительно содержащегося в вокабуле-семеме *öffnen* релятора "открывать").

3.2. Выводы.

Из рассмотренных в § 3.1 примеров и их интерпретации можно сделать следующие выводы, благодаря которым противопоставление актанта и сирконстанта в смысле Теньера оказывается в значительной степени относительным.

3.2.1. Бинарная оппозиция или последовательный переход?

Уже тех немногих примеров, которые были приведены в § 3.1, достаточно, чтобы продемонстрировать, что тогда, когда в качестве решающего критерия выбирают установление актантной функции актанта, противопоставление актантного статуса сирконстантному (в смысле Теньера) распадается на множество явно различных случаев. В зависимости от содержащегося в соответствующей вокабуле-семеме релятора можно выделить семь подобных случаев:

а) актанты, определенные как относительно их актантной функции, так и относительно их заполнения, — примеры (3) и (5) ($\cong$ "инкорпорированные" актанты);

б) актанты, определенные как относительно их актантной функции, так и относительно классификаторной спецификации их заполнения, — пример (6) ($\cong$ классификаторно "инкорпорированные" актанты);

в) актанты, актантные функции которых определены открытыми позициями соответствующей глагольной вокабулы-семемы, — примеры (1) и (2) (актанты, обладающие статусом актанта, по Теньеру);

г) актанты, актантная функция которых задана в родовом отношении содержащимися в соответствующей вокабуле-семеме временными функторами (функтором) и должна быть специфицирована независимым от залоговой характеристики падежным оформлением, — пример (4);

д) актанты, входящие в факультативные добавки (Zusatz) к соответствующей глагольной вокабуле-семеме, но по своей актантной функции определяемые все же посредством содержащегося в этой вокабуле-семеме релятора, — пример (7);

е) актанты, актантная функция которых определяется их положением в факультативной добавке, подчиненной одному из компонентов актантной модели, репрезентирующей соответствующую глагольную вокабулу-семему, — пример (8); и

ж) актанты, актантная функция которых определяется их положением в факультативной добавке, параллельной актантной модели, репрезентирующей соответствующую глагольную вокабулу-семему, — пример (9).

Эта последовательность типов — ни в коей мере не претендующая на исчерпывающую полноту — характеризуется последовательным ослаблением зависимости от соответствующей принадлежащей конкретному языку вокабулы-семеме. Бинарная оппозиция статуса актанта и сирконстанта (в интерпретации Теньера) превращается тем самым в последовательную шкалу ослабления зависимости от соответствующей вокабулы-семеме.

3.2.2. Облигаторность или факультативность?

Одновременно становится также ясно, почему противопоставление актанта и сирконстанта могло смешиваться с противопоставлением облигаторных и факультативных актантов: если отвлечься от особого случая перехода от типа б) к типу в), вероятность существования облигаторных актантов уменьшается по мере уменьшения зависимости от соответствующей вокабулы-семеме; начиная с типа д) эта вероятность приближается к нулю. Однако и в случае актантов, обладающих статусом актанта в смысле Теньера и относящихся к типу в), речь идет скорее о большей или меньшей вероятности, а не облигаторности актантов, которая может быть обнаружена лишь в случае "инкорпорированных" актантов типа а) — пусть и тривиальным образом; примером того, что, с другой стороны, и в типе г) еще встречаются облигаторные актанты, сирконстантный статус которых (в смысле Теньера) оказывается сомнительным, служит обсуждавшееся в § 3.1.2 предложение (3).

3.2.3. Независимая от залога вариация падежей?

Даже критерий комбинаторной зависимости выбора маркирующего актантную функцию падежа от соответствующего залога оказался лишь частично применимым, поскольку согласно этому критерию тип в) объединяет примеры (1) и (2) и тем самым в предложении (2) актант с локальной функцией (*Dorf X*) получает статус актанта (по Теньеру), хотя как раз в стеммах Теньера он такой статус получать не должен. Как ни ценен этот критерий в семасиологическом анализе данных отдельных языков, столь же неприемлемым представляется он мне в нозматическом *tertium comparationis*. Поэтому в ходе своих дальнейших изысканий в этой области я по-прежнему предпочитаю говорить без различия только об актантах, оставляя возможность дальнейшего разделения их на обладающие статусом актанта и сирконстанта на усмотрение исследователей отдельных языков, которые должны решать этот вопрос в зависимости от полезности такого деления для решения соответствующих исследовательских задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heger K. Nomina как *tertium comparationis* при сравнении языков // ВЯ. 1990. № 1.
2. Heger K. Valenz, Diathese und Kasus // *Zrom Ph.* 1966. Bd. 82.
3. Heger K. Monem, Wort und Satz. Tübingen, 1971.
4. Heger K. Monem, Wort, Satz und Text. 2., verbes. Aufl. Tübingen, 1976.
5. Heger K., Mudersbach K. Aktantenmodelle — Aufgabenstellungen und Aufbauregeln. Heidelberg, 1984.

6. Heger K. Flexionsformen, Vokabeln und Wortarten. Heidelberg, 1985.
7. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. P., 1959.
8. Tesnière L. *Petite grammaire russe*. P., 1934.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
10. Heger K. Akkusativische, ergativische und aktivische Bezeichnung von Aktantenfunktionen // *Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts*. 1983. № 54 (перепечат: *Relational typology*. B., 1985).
11. Daneš F. Semantische Struktur des Verbs und das indirekte Passiv im Tschechischen und Deutschen // *Satzstruktur und Genus verbi*. B., 1976.
12. Bühler K. *Sprachtheorie*. Jena, 1934 (2. Aufl. Stuttgart, 1965).

Перевел с немецкого Ромашко С.А.